

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-424-434
EDN MOYLNU

Цифровая власть под вопросом: практики сопротивления и стратегии критического восприятия

Римский А.В., Сорокопуд М.С.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
alex.rimskiy@yandex.ru; azarimariya@yandex.ru

Аннотация. В условиях цифровизации социального пространства традиционные формы власти трансформируются в распределенные, алгоритмически организованные режимы контроля, пронизывающие повседневность и формирующие когнитивные, поведенческие и аффективные структуры субъекта. Несмотря на многочисленные исследования цифровой власти и надзорного капитализма, практически отсутствуют системные подходы к анализу практик сопротивления, способных сохранять субъектную автономию. Цель исследования – выявить и классифицировать стратегии сопротивления цифровой власти как механизмы сохранения целостности субъекта. Методологическая основа включает философско-социологический анализ, дискурс М. Фуко о правительности, теорию надзорного капитализма Ш. Зубофф и подходы цифрового гуманизма. Выделены три типа сопротивления: аскетическое (самоограничение, цифровой минимализм), технополитическое (создание децентрализованных альтернативных инфраструктур) и философско-созерцательное (онтологическое отстранение от алгоритмических норм). Авторами продемонстрировано, что сопротивление выступает как созидательная, трансформативная практика, позволяющая сохранять критическое мышление, культурную субъектность и подлинную свободу. Результаты открывают новое направление в изучении цифровой власти, рассматривая сопротивление как системный механизм антропологической и этической автономии.

Ключевые слова: цифровая власть, алгоритмическое управление, сопротивление, цифровой минимализм, технополитика, онтологическое отстранение, культурная субъектность, UX-дизайн, постправда

Для цитирования: Римский А.В., Сорокопуд М.С. 2026. Цифровая власть под вопросом: практики сопротивления и стратегии критического восприятия. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 424–434. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-424-434 EDN: MOYLNU

Digital Power in Question: Resistance Practices and Critical Perception Strategies

Alexey V. Rimsky, Maria S. Sorokopud

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
alex.rimskiy@yandex.ru; azarimariya@yandex.ru

Abstract. In the context of the digitalization of social space, traditional forms of power are transformed into distributed, algorithmically organized regimes of control that permeate everyday life and shape the cognitive, behavioral, and affective structures of the subject. Despite numerous studies of digital power and surveillance capitalism, systemic approaches to the analysis of resistance practices capable of preserving subjective autonomy are virtually absent. The aim of this study is to identify and classify strategies of resistance to digital power as mechanisms for preserving the integrity of the subject. The

methodological framework includes philosophical and sociological analysis, Michel Foucault's discourse on governmentality, Sh. Zuboff's theory of surveillance capitalism, and approaches from digital humanism. Three types of resistance are distinguished: ascetic (self-restraint, digital minimalism), technopolitical (creation of decentralized alternative infrastructures), and philosophical and contemplative (ontological distancing from algorithmic norms). The authors demonstrate that resistance acts as a creative, transformative practice that enables the preservation of critical thinking, cultural agency, and genuine freedom. Their findings open a new direction in the study of digital power, examining resistance as a systemic mechanism for anthropological and ethical autonomy.

Keywords: digital power, algorithmic governance, resistance, digital minimalism, technopolitics, ontological disengagement, cultural subjectivity, UX design, post-truth

For citation: Rimsky A.V., Sorokopud M.S. 2026. Digital Power in Question: Resistance Practices and Critical Perception Strategies. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 424–434 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-424-434 EDN: MOYLNLU

В условиях стремительной цифровизации социального пространства формы власти перестают быть исключительно институциональными и обретают распределенный, алгоритмический характер. Под цифровой властью мы понимаем распределенные и автоматизированные режимы контроля, нормализации и управления, характерные для алгоритмически организованной социальной среды. Понятие «цифровая власть» обозначает не только контроль над информацией, а глубокое вмешательство в повседневность человека посредством технической инфраструктуры, платформенной логики и протоколов цифрового взаимодействия. Современный субъект оказывается вписанным в сложную и многослойную сеть аффордансов, в которой традиционное представление о свободе действия смещается в сторону заранее заданных, программируемых возможностей. В этих условиях индивидуальный выбор формируется не спонтанно, а внутри незаметной, но эффективной архитектуры предпочтений, задающей допустимые траектории поведения. Подобная логика взаимодействия субъекта и власти оказывается созвучной понятию «правительности» (*gouvernementalite*), разработанному М. Фуко. В рамках этой концепции власть уже не осуществляется посредством прямого запрета или насилия, но действует через управление повседневными практиками, когнитивными схемами и телесными установками. Как подчеркивает сам М. Фуко, «дисциплинарная власть не координирует силы для того, чтобы их ограничить, — она стремится объединить их таким образом, чтобы преумножить и использовать» [Фуко, 2011, с. 123].

Цифровая власть действует латентно, пронизывая повседневность и проявляясь прежде всего в обыденной рутине. Ее механизмы незаметны, автоматические уведомления формируют устойчивый режим распределения внимания, рекомендательные алгоритмы очерчивают границы возможных интересов, а системно выстроенный UX-дизайн дисциплинирует чувственное восприятие и закрепляет определённые поведенческие паттерны. Такой способ управления соответствует логике надзорного капитализма, детально описанной философом Ш. Зубофф. Исследовательница подчеркивает: «На самом деле, мы — объекты, из которых извлекается и экспроприируется сырьё для фабрик прогнозирования Google. Прогнозы относительно нашего поведения — вот продукты Google, и они продаются его подлинным покупателям, а не нам. Мы — средства для достижения целей других людей» [Зубофф, 2022, с. 235]. Указанная мысль означает, что в цифровую эпоху человек становится не потребителем, а источником поведенческого сырья, на основании которого строятся предиктивные модели управления. В этих условиях критическое восприятие цифровой власти становится необходимым элементом субъективной автономии.

Примером может служить широко известная ситуация с автоматическим распознаванием лиц в городских пространствах. В мегаполисах Китая, Великобритании, России и США подобные системы используются не только для обеспечения безопасности, но и для прогнозирования социального поведения. Не осознавая алгоритмического надзора, граждане оказываются в режиме «предупрежденного подчинения». В результате они адаптируются, чтобы не вызывать подозрения, что создает новую этику публичного поведения, в которой конформизм становится цифровой нормой.

Цель исследования – проанализировать практики сопротивления цифровой власти как особые стратегии сохранения субъектной целостности в условиях алгоритмического управления. Мы рассматриваем сопротивление не как исключение или девиацию, а как фундаментальный механизм культурного равновесия, призванный сохранять поле свободы внутри цифровой среды. В фокусе не только политические и технические, но и культурные, эстетические и философские формы противодействия, в которых раскрывается способность человека к критическому самопониманию и этическому действию.

Современные цифровые технологии трансформируют логику власти: от вертикального контроля и жесткой репрессивности к распределенной, мягкой и алгоритмизируемой модальности управления. В философском контексте такая власть уже не сводится к институтам или персоналиям, а реализуется посредством инфраструктуры (платформы, интерфейсы, протоколы взаимодействия, логику данных и интерфейсные решения), которые становятся нормами социальной координации. Именно на этом уровне разворачивается феномен цифровой «правительности», описанный М. Фуко как «искусство управления» жизнями в рамках не дисциплинарного, а управленческого режима, ориентированного на повседневные практики, а не на исключительные события.

Немецко-корейский философ Бен-Чхоль Хан подчеркивает, что «цифровая власть действует не как внешнее насилие, а как имманентная продуктивная сила, формирующая субъект изнутри» [Хан Бен-Чхоль, 2024, с. 16]. Автор пишет, что люди добровольно подвергаются контролю, потому что алгоритм делает их эффективнее, продуктивнее, комфортнее. Отказ от сопротивления часто носит не принудительный, а соблазнительный характер, поскольку человек сам становится соавтором алгоритмической власти, адаптируясь к интерфейсу и нормам платформы.

Многие пользователи социальных сетей не просто следуют алгоритмам, а начинают предугадывать, как «понравиться системе», как попасть в «рекомендации», как «поднять охваты». В результате, субъект становится не просто объектом алгоритмической оценки, но и активным исполнителем ее норм, что создает феномен «алгоритмического самоуправления», когда человек добровольно встраивается в логику цифровой дисциплины, направляя собственное поведение согласно вычисляемым моделям. Ш. Зубофф называет это «структурным сдвигом в антропологии современного времени, человек больше не является мерой вещей, а становится их продуктом» [Зубофф, 2022, с. 451]. Он конструируется через данные, и власть получает возможность управления с помощью архитектуры выбора. Чем точнее предсказуемость, тем выше эффективность управления.

Цифровая власть в своей современной конфигурации функционирует не как прямой институт репрессии, а как распределенная, повседневная и нормализующая сила, осуществляющая контроль посредством интерфейсов, алгоритмических сценариев внимания, режимов отклика, телесных и когнитивных паттернов. Она действует на уровне ритма сна, рекомендаций по саморегуляции, навигации в пространстве и даже структуры аффективного опыта. Цифровая власть не выражается в приказе, а проявляется в форме удобства, предиктивности и предложенного выбора, превращаясь в форму «мягкого детерминизма».

Актуальной в этом контексте становится проблема аутентичности субъекта. В эпоху цифровых двойников, репрезентаций и медийных копий возникает кризис подлинности: «может ли копия быть настоящей?». Конструирование множества версий «Я» в цифровом пространстве ведет к размыванию границ между подлинным и симулированным, между реальностью и глубоко сгенерированной подделкой. Технологии глубокого обучения и визуального редактирования усиливают этот эффект, подрывая доверие как к другому, так и к самому себе [Варди, 2025]. Следовательно, цифровая власть это не единичное событие, а онтологическая среда, не насилие, а архитектура предложения, не запрет, а антиципация. Это власть без тела и адреса, но с API, UI и UX, трудно локализуемая, но вездесущая.

Соппротивление цифровой власти в ее современной алгоритмически-инфраструктурной форме не предполагает открытого конфликта. Речь идет не о бунте, а о тонких, зачастую незаметных формах отказа, дистанцирования и переосмысления, которые укоренены в этике, культуре, личной привычке и философском взгляде на реальность. Соппротивление цифровой власти может быть классифицировано на основе модуса субъектного отношения к нормативной цифровой реальности, то есть способа, которым человек осмысляет, интериоризирует или, напротив, отторгает установленные технологические режимы. В центре предлагаемой типологии различие в характере действий и стратегий, посредством которых субъект осуществляет дистанцирование, переосмысление или трансформацию властного воздействия цифровой среды. В соответствии с этим принципом, выделяются три фундаментальных типа соппротивления: этическое-экзистенциальное (аскетическое) соппротивление, технологически-эмансипаторное соппротивление (технополитическое) и созерцательно-философское соппротивление.

Классификационным принципом определен модус отношения субъекта к цифровой власти. В итоге в качестве классификационного основания используется не формальный объект соппротивления, а глубинный тип антропологического отношения к цифровой власти, от этического самоограничения до технологической инициативы и философского отрицания.

1. Этическое-экзистенциальное (аскетическое) соппротивление (модус: самоограничение и внутреннее дистанцирование; форма: добровольная аскеза – не бегство от технологий, а их осознанное обуздание ради внутренней целостности; цель: восстановление субъектности, сохранение внимания, критическая саморефлексия). Субъект соппротивляется власти через этическую работу с собой, не разрушает систему, но и «не подчиняется» ей, ограничивая свою включенность.

Одной из концептуально насыщенных и экзистенциально значимых форм индивидуального соппротивления цифровой власти выступает практика цифрового минимализма, то есть добровольное ограничение собственного цифрового присутствия во имя восстановления субъектной целостности и способности к осмысленной жизни. Термин «цифровой минимализм» приобрел широкую популярность благодаря американскому философу К. Ньюпорту, который подчеркивает, что «цифровые минималисты рассматривают новые технологии как инструменты достижения того, что для них ценно, а не как саму ценность» [Ньюпорт, 2019, с. 98]. Это взгляд, который помогает взглянуть на технологии не как на цель, а как на средство для достижения истинных жизненных ориентиров. Современные интерфейсы проектируются таким образом, чтобы поощрять компульсивное потребление и разрушать концентрацию, внимание и глубину, базовые когнитивные и этические способности субъекта.

К. Ньюпорт предлагает не технофобию, а стратегию осознанного отбора, сохранение лишь тех цифровых практик, которые способствуют благу, развитию и внутренней свободе человека. Его подход представляет собой форму культурной аскезы, не бегства от технологической реальности, а мужественного самоограничения в условиях цифровой

избыточности. В этом контексте цифровой минимализм становится не просто стилем жизни, а новой этической и педагогической установкой, обращенной к самосозиданию и сопротивлению нормализующему принуждению платформенной экономики.

В российской научной традиции цифровой аскетизм осмысливается как педагогическая стратегия воспитания критического мышления и способности к саморегуляции. Это попытка вернуть субъекту власть над вниманием – главным ресурсом в условиях медийной перегрузки [Гредновская и др., 2023].

Все больше людей сознательно удаляют аккаунты в соцсетях, переходят на кнопочные телефоны, отключают уведомления, блокируют трекеры или вовсе «уходят в оффлайн» на длительное время. Многие современные специалисты в области IT или философии сознательно практикуют «викенд без экрана», другими словами полное цифровое отключение на 48 часов, что позволяет не только восстановить концентрацию, но и вернуть человеку внутреннее чувство присутствия. Подобные практики уже фиксируются как акты цифрового аскетизма, то есть отказа от цифрового излишества в пользу ментального, экзистенциального, духовного равновесия.

2. Технологически-эмансипаторное сопротивление (технополитическое) (модус: переопределение и перенастройка цифровой среды; форма: создание альтернативной цифровой инфраструктуры на основе принципов децентрализации, открытого кода, анонимности; цель: разрушение монополий на информацию, свобода цифрового передвижения, приватность). Субъект остается внутри цифровой среды, но подрывает ее иерархическую структуру, создавая альтернативные каналы существования и смысла.

Сопротивление может принимать более политизированные и технологически продвинутые формы. В частности, речь идет о хактивизме, сочетании хакерской культуры и политического активизма. Хактивисты выступают за открытый доступ, свободу информации, прозрачность алгоритмов. Они создают децентрализованные инструменты, такие как: peer-to-peer сети (BitTorrent, IPFS), федеративные платформы (Mastodon, Matrix), анонимизирующие браузеры (Tor), инструменты блокировки трекинга и рекламы (uBlock, Pi-hole).

В отличие от цифрового аскетизма, хактивизм не уходит от цифровой среды, а перенастраивает ее в соответствии с альтернативной этикой, в основе которой лежат свобода, анонимность и самоуправление.

Проект Sci-Hub, инициированный А. Элбакян, стал одним из символов цифрового сопротивления академической монополии на знание, предоставив миллионам пользователей доступ к научным статьям без платных барьеров. Другим примером может являться платформа Mastodon, созданная в 2016 году немецким разработчиком Э. Мэстером, и представляющая собой бесплатную программную платформу с открытым исходным кодом для создания децентрализованных социальных сетей с функциональностью микроблогинга. Здесь каждый сервер (инстанс) управляется независимо, что нарушает принцип монопольного контроля, характерный для корпораций вроде Meta (Facebook/Instagram)¹. Альтернативой централизованным мессенджерам служат Matrix, Session, Threema, которые не передают данные третьим сторонам и не используют поведенческую аналитику. В итоге, возникает технологическое сопротивление не как разрушение, а как создание. Речь идет о программировании как философии, когда разработчик становится субъектом не только техники, но и критической рефлексии.

3. Созерцательно-философское сопротивление (модус: онтологическое отстранение и внутренний отказ от участия в заданной логике; форма: радикальная рефлексивная установка — не просто ограничение цифрового, а отказ воспринимать его как абсолютную реальность; цель: возвращение к смысловой автономии, к бытийной

¹ Facebook и Instagram признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

самотождественности). Сопротивление не имеет цели изменения среды, стратегия выхода из власти на уровне самого основания – модус «не встраиваться».

Третья линия сопротивления цифровой власти носит преимущественно культурно-эстетический и философско-экзистенциальный характер. Речь идет о своеобразной практике внутреннего отказа, отказа от нормативного участия в цифровой среде как самоочевидной, «естественной» действительности. Такая форма сопротивления соотносится с духовной установкой стоицизма, скептицизма или буддийской вивекхи, дистанцированием от страстей и автоматизмов мира. В русской философской традиции аналогичный жест можно обнаружить в размышлениях В. Биbihина, рассматривавшего свободу как люфт между полюсами события, как напряженную паузу в «мировом автомате», в которой субъект обретает возможность быть вне диктата автоматизма. Согласно мнению философа, материя это нечто, что в своих предельных режимах впадает в «амеханию», то есть фазу, в которой нарушается причинная жесткость и возникает пространство смыслового выбора [Бибихтин, 1998; 2013].

Предложенная типология практик сопротивления цифровой власти, основанная на модусе субъектного отношения к технологическому порядку, обладает важной эвристической ценностью. Прежде всего, она позволяет выйти за пределы упрощенной нормативной бинарности, сведенной к дихотомии «принятие/отвержение» цифровых технологий. Взамен ей вводится более гибкая аналитическая перспектива, в которой субъект осмысливается не как объект технологического давления, но и как активный носитель различных стратегий соотнесения с цифровой средой (от этической аскезы до технополитической контринициативы и онтологического отстранения).

Данная классификация способствует выявлению сложных режимов критического взаимодействия, в которых сопротивление проявляется не только как отказ или оппозиция, но и как созидательная, преобразующая и даже созерцательная практика. Тем самым, сопротивление предстает не как акт разрушения или бегства, а как форма бытийной установки, предполагающая альтернативную этику, иную онтологию повседневности и новый тип субъектности. Иными словами, сопротивление цифровой власти может быть понято не как внешнее действие против чего-либо, а как внутренне организованный способ существования, воплощающий отказ от автоматизма, нормализации и гомогенизации жизни. Это не реакция, а форма жизни (*modus vivendi*), в которой технологическое становится предметом рефлексии, отбора и самонастраивания.

Именно в условиях цифровой нормы, алгоритмической прозрачности и регламентированной повседневности сопротивление превращается в интерпретативную свободу, способность субъектно считывать, смещать и переосмысливать коды действительности. Описанная стратегия находит выражение в эстетических практиках: цифровом театре, анти-инстаграм-эстетике, критическом диджитал-арте. Эстетическое сопротивление действует в пределах символического порядка, от подрывных визуальных форм до философских эссе, размещаемых вне платформенных иерархий видимости.

Культурные практики сопротивления включают в себя и эстетические стратегии. Например, использование иронии, глитч-эстетики, симулякров, пародий на интерфейсы и алгоритмы, подрывающие нормативность цифрового пространства, выявляя его внутренние противоречия.

В духе философии Ж. Бодрийяра, глитч – это символ сопротивления симулякру, указывающий на сбой в кажущейся идеальной системе и возвращает субъекту чувство несовершенства и реальности. Например, многочисленные арт-проекты, такие как The Yes Men, пародируют корпорации, создавая поддельные сайты и выпуская фальшивые пресс-релизы, тем самым раскрывая механизмы цифровой манипуляции.

Сопротивление цифровой власти невозможно без критического мышления, а критическое мышление, в свою очередь, не возникает спонтанно, а формируется в пространстве образования, в первую очередь гуманитарного, которое сегодня оказывается

вытесненным технократическими и утилитарными приоритетами. В условиях цифровой трансформации образования происходит структурная редукция гуманитарного содержания, что ведет к утрате способности к рефлексии, к осмыслению собственного бытия, к философской позиции в широком смысле слова.

Философ А.А. Кара-Мурза в своих трудах акцентирует внимание на глубинном кризисе университетской культуры: «Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, то теперь, в современном обществе, культура рассыпалась на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий» [Кара-Мурза, 2013, с. 194], характеризуя этот переход как сдвиг от университетской к «мозаичной» культуре, знание фрагментируется, теряет структуру и опору на интегральные ценности. Философ отмечает, что кризис заключается не столько в утрате содержания, сколько в исчезновении смысла. Гуманитарное знание утрачивает статус основания образования и все чаще сводится к факультативной функции в технократической парадигме, в рамках которой приоритет отдан цифровым дисциплинам (аналитике данных, UX-дизайну, маркетингу), функциональным, но неспособным формировать целостное мировоззрение.

Особую обеспокоенность у мыслителя вызывает распространение феномена «рациональности невежества обманутых», иными словами состояния сознания, сформированного под воздействием мифов о технологическом прогрессе и эффективности, служащих идеологическим сопровождением реформ. В результате происходит девальвация гуманитарного опыта, разрушение культурных институтов и распад символических связей, что ведет к глубокому отчуждению личности в цифровом социуме.

Вместе с А.А. Кара-Мурзой философ и педагог А.П. Валицкая поднимает тревожный вопрос технократического перекаса в образовании, в котором гуманитарные ценности постепенно теряют свое место. В ее глазах, современная система образования, поглощенная поисками «социального заказа», утратила важнейшие мировоззренческие и воспитательные функции. Как она сама отмечает: «Современное образование односторонне ориентируется лишь на «социальный заказ», отказавшись от мировоззренческой и воспитательной функций, особенно важных для формирования личности» [Валицкая, 2010, с. 10]. В этом проявляется глубинный цивилизационный кризис, утрата экзистенциального и антропологического измерения знания. Образование превращается в инструмент, в сервис, а не в пространство становления субъекта. А.П. Валицкая подчеркивает, что без философской рефлексии невозможно преодоление этого кризиса. Требуется новая культуроцентричная парадигма, в рамках которой гуманитарное знание вновь станет ядром образовательного процесса. Только так можно вернуть субъекту способность к этическому суждению, а значит к сопротивлению.

Введение массовых ИИ-ассистентов и «умных учебников» все чаще ведет к отказу от живого мышления. Учащийся не задает вопросы, а следует алгоритмам. В результате, возникает новый тип субъекта – обученный, но не мыслящий.

Возвращаясь к философской основе, стоит упомянуть мысль В. Бибихина о свободе как способности быть «внутри мира, не подчиняясь его автоматизмам». Образовательная система, лишенная гуманитарного ядра, не воспитывает такую способность. Напротив, она порождает функционально эффективного, но экзистенциально неуравновешенного субъекта, зависимого от технологий и неспособного к критическому дистанцированию.

Согласно его философии, «свобода права» не просто юридическая категория, а экзистенциальный опыт осмысления порядка, норм, системных ограничений. В условиях цифровой власти, когда нормы задаются алгоритмами и правила интерфейса, именно гуманитарное знание позволяет субъекту разорвать иллюзию прозрачности и естественности этих структур.

Немного подытожив, можно отметить, что критическое восприятие информации становится ключевым навыком сопротивления манипулятивным стратегиям цифровой власти. Одним из важнейших условий является отказ от импульсивного принятия сообщений, особенно провоцирующих эмоциональные реакции. Именно на такие эффекты и нацелены алгоритмы, способствующие тиражированию сенсационных и недостоверных материалов. Эпистемологическая осторожность, проверка источников, опора на авторитетные медиаплатформы с высокими стандартами фактчекинга (например, BBC, Reuters, AP), все это является основой информационного аскетизма в эпоху постправды.

Цифровой субъект должен формировать устойчивые навыки медиаграмотности. Участие в образовательных курсах, изучение механизмов пропаганды, обращение к платформам верификации (например, Snopes, FactCheck.org) становятся формами повседневного философского сопротивления. Понимание контекста, обнаружение интересов, стоящих за новостями, и интерпретация структур распространения информации становятся важными элементами защиты от цифровой инфляции истины и инструментализации сознания.

Одним из основных механизмов цифровой власти становится пространственное структурирование среды, в которой субъект оказывается не только под наблюдением, но и под постоянным управлением перемещением и взаимодействием. Такие формы власти незаметны, но устойчивы, они действуют не через запрет, а через алгоритмическую оптимизацию, которая моделирует желаемые маршруты, формы поведения и даже зоны допустимого действия. В логике так называемого «устойчивого развития» и «умного города» (smart city) повсеместно внедряются инструменты цифрового регулирования мобильности. Под предлогом заботы об экологии, удобстве и безопасности вводятся: QR-контроль на транспорте, алгоритмическое планирование маршрутов, цифровые пропуска и трекинг перемещений, биометрические системы доступа к публичным пространствам.

Указанные меры были особенно заметны в пик пандемии COVID-19, но не исчезли после нее, а, напротив, трансформировались в повседневную инфраструктуру контроля. Сама идея «15-минутного города», популяризованная К. Морено, строится на том, что все необходимые услуги должны находиться в пределах 15 минут пешком от места жительства. На первый взгляд – гуманистическая утопия [Морено, 2024]. Однако на практике возникает замкнутая пространственная экосистема, в которой житель не нуждается в выходе за пределы локальной зоны, а значит, его перемещения предсказуемы, алгоритмизируемы и поддаются контролю. Например, внедрение цифровых паспортов передвижения в Китае во время карантина показало, насколько легко можно перейти от санитарного режима к постоянному надзору, все решает интерфейс, код, цвет индикатора.

Для философского осмысления пространственной цифровизации полезна метафора антигорода, заимствованная из романа Аркадия и Бориса Стругацких «Град обреченный». В нем Город представляет собой экспериментальную среду, в которой герои (Воронин, Гейгер, Кацман) участвуют в социальном эксперименте. Все они стремятся попасть в Антигород, некое трансцендентное пространство, в котором возможна свобода от бесконечного наблюдения, абсурда и манипуляций.

В этом смысле Антигород не физическое место, а символ освобожденного пространства, пространства без структурированного контроля, без навязанных траекторий [Стругацкий, 1991]. Если Город это алгоритмическая капсула, то Антигород онтологическая альтернатива, место возвращения субъекта к самому себе.

Философ Жан-Франсуа Лиотар отмечал, что «постмодерн – это не просто конец модерна, а состояние, в котором модерн бесконечно распадается на фрагменты и не достигает финальной точки» [Лиотар, 1998, с. 78], который проявляется в фрагментации, технократизации и логике замкнутости, когда даже город перестает быть местом встречи

и превращается в структуру предсказуемости. Пространство становится цифрово нормированным, а мобильность не правом, а функцией, зависимой от одобрения системы.

В условиях цифровой власти пространство становится не только географической категорией, а интерфейсом власти. Архитектура, транспортная система, система видеонаблюдения, система рекомендаций, все это элементы алгоритмического ландшафта, в котором субъекту отведена регистрируемая и подотчетная роль. Комфорт здесь становится мягкой формой подчинения, а близость способом пространственной изоляции.

Современное состояние цифровой власти требует не только аналитического описания ее механизмов, но и активного философского воображения, способного преодолевать парадигму технологического детерминизма. Соппротивление цифровому господству это не возврат к доцифровой утопии, а разработка новых оснований культурной субъектности, когда техника не отрицается, а переосмысливается в гуманистическом ключе.

Цифровой гуманизм представляет собой не просто этическое движение, а новую философскую установку, ориентированную на переоценку ценностей в эпоху алгоритмов. Согласно мысли Ю. Хабермаса, «коммуникация – вот единственная среда, в которой возможно то, что заслуживает имени рациональность» [Хабермас, 2022, с. 274], поэтому современное общество должно стремиться не только к технологическому прогрессу, но и к «коммуникативной рациональности», в которой истина рождается в диалоге, а не в коде. Именно такой подход способен восстановить антропологическое измерение культуры в условиях технократической гегемонии. В рамках указанного подхода сопротивление приобретает экзистенциальную глубину и не ограничивается активизмом или дезактивацией аккаунтов, а включает в себя переформатирование самого способа бытия в цифровой среде. Такой субъект не просто пользователь, а интерпретатор, критик, соавтор своей цифровой биографии. Альтернативные образовательные платформы (Синхронизация или Курс лекций Arzamas), демонстрируют попытку восстановить культурную вертикаль, когда знание не обслуживает рынок, а формирует личность.

Именно здесь возникает образ нового цифрового гуманизма, подхода, в котором технологии подчиняются культурным, этическим и экзистенциальным основаниям. Такой гуманизм не отрицает цифровую среду, а стремится гуманизировать ее изнутри, превращая алгоритмы в средства свободы, а не подчинения.

Подводя итог, отметим, что в условиях стремительной цифровизации все сферы общественной и личной жизни проникаются алгоритмами, платформенной логикой и автоматизированными формами управления, что формирует новую конфигурацию власти, цифровую власть, невидимую, но повсеместную. Она проявляется не только через надзор, сбор данных и поведенческое моделирование, но и через нормализацию определенных режимов присутствия, коммуникации и восприятия. В этой ситуации сопротивление перестает быть исключительно политическим жестом и становится антропологической и этической необходимостью, способом защиты субъектной автономии, сохранения критического мышления и воспроизводства человеческой свободы в ее онтологическом измерении.

Анализ показал, что практики сопротивления цифровой власти могут быть классифицированы по модусу отношения субъекта к цифровой норме. Выделенные нами типы (аскетическое (этически-экзистенциальное), технополитическое (технологически-эмансипаторное) и философско-созерцательное сопротивление) демонстрируют широкий спектр ответов на цифровое нормотворчество, от добровольного самоограничения и восстановления контроля над вниманием до создания альтернативных технологических экосистем и глубокой духовной дистанции от нормативной цифровой среды. Представленная типология позволяет уйти от моральной бинарности «за» или «против»

технологий и выявить тонкие, многомерные формы взаимодействия с цифровым порядком, включая созидательные, трансформативные и даже метафизические аспекты.

Таким образом, сопротивление в цифровую эпоху предстает не как разрушение, а как форма жизни, способ быть иначе с помощью сознательного выбора, техническое творчество и философскую рефлексию. Именно в разнообразии форм критического присутствия и заключается потенциал подлинной свободы, остающейся актуальной даже в условиях тотальной алгоритмизации.

Список литературы

- Бибихин В. 1998. Новый ренессанс. М., Прогресс-Традиция, 496 с.
- Бибихин В. 2013. Введение в философию права. М., Университет Дмитрия Пожарского, 346 с.
- Валицкая А.П. 2010. Гуманитарный кризис и проблемы социокультурной идентификации. В кн.: Султанов К.В. (ред.). Личность в глобальном мире: пути социокультурной идентификации. Материалы международной конференции «Культурная идентификация молодёжи в условиях глобализации». СПб.: 8–12.
- Варди Д. 2025. Generation Z. Между лайками и реальностью. Екатеринбург, Ridero, 128 с.
- Гредновская Е.В., Гулеватая А.Н., Миляева Е.Г., Пеннер Р.В., Сосновских Е.Г. 2023. Цифровая аскетика. Челябинск, Издательский центр ЮУрГУ, 123 с.
- Зубофф Ш. 2022. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Пер. с англ. А.Ф. Васильева. Под ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М., Изд-во Ин-та Гайдара, 781 с.
- Кара-Мурза С.Г. 2013. О неэффективных вузах России: методологические проблемы. *Социально-гуманитарные знания*, 1: 193–206.
- Лиотар Ж.-Ф. 1998. Состояние постмодерна. СПб., Наука, 160 с.
- Морено К. 2024. 15-минутный город: решение для экономии нашего времени и нашей планеты. Нью-Йорк, Wiley, Barnes and Noble, 324 с.
- Ньюпорт К. 2019. Цифровой минимализм. Пер. Д. Романовский. М., Манн, Иванов и Фербер, 256 с.
- Стругацкий А.Н. 1991. Град обречённый. М., Молодая гвардия, 478 с.
- Фуко М. 2011. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. Пер. В.Ю. Быстров, Н.В. Суслов, А.В. Шестаков. СПб., Наука, 544 с.
- Хабермас Ю. 2022. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. Пер. с нем. А.К. Судакова. М., Весь мир, 878 с.
- Хан Бен-Чхоль. 2023. Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Пер. с нем. А.С. Салина. М., АСТ, 158 с.
- Хан Бен-Чхоль. 2024. Топология насилия: критика общества позитивности позднего модерна. Пер. с нем. С. Мухамеджанова. М., АСТ, 190 с.

References

- Bibikhin V. 1998. Novyy renessans [The New Renaissance]. Moscow, Progress-Traditsiya, 496 p.
- Bibikhin V. 2005. Vvedenie v filosofiyu prava [Introduction to the Philosophy of Law]. Moscow, IF RAN, 343 p.
- Valitskaya A.P. 2010. Gumanitarnyy krizis i problemy sotsiokul'turnoy identifikatsii [Humanitarian Crisis and Problems of Socio-Cultural Identification]. In: Sultanov K.V. (ed.). *Lichnost' v global'nom mire: puti sotsiokul'turnoy identifikatsii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Kul'turnaya identifikatsiya molodezhi v usloviyakh globalizatsii»* [Personality in the Global World: Paths of Socio-Cultural Identification. Proceedings of the International Conference "Cultural Identification of Youth in the Context of Globalization"]. Saint Petersburg: 8–12.
- Vardi D. 2025. Generation Z. Mezhdaykaymi i real'nost'yu [Generation Z. Between Likes and Reality]. Yekaterinburg, Ridero, 128 p.
- Grednovskaya E.V., Gulevataya A.N., Milyaeva E.G., Penner R.V., Sosnovskikh E.G. 2023. Tsifrovaya asketika [Digital Ascetics]. Chelyabinsk, Izdatel'skiy tsentr YuUrGU, 123 p.
- Zuboff Sh. 2022. Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New

- Frontier of Power]. Transl. from English by A.F. Vasiliev. Ed. by Ya. Okhonko, A. Smirnov. Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 781 p.
- Kara-Murza S.G. 2013. O neeffektivnykh vuzakh Rossii: metodologicheskie problemy [On Inefficient Universities in Russia: Methodological Problems]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1: 193-206.
- Lyotard J.-F. 1998. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]. Saint Petersburg, Nauka, 160 p.
- Moreno C. 2024. 15-minutnyy gorod: reshenie dlya ekonomii nashego vremeni i nashey planety [The 15-Minute City: A Solution for Saving Our Time and Our Planet]. New York, John Wiley & Sons, 324 p.
- Newport K. 2019. Tsifrovoy minimalizm [Digital Minimalism]. Transl. by D. Romanovskiy. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 256 p.
- Strugatskiy A.N. 1991. Grad obrechenny [The Doomed City]. Moscow, Molodaya gvardiya, 478 p.
- Foucault M. 2011. Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsiy, pročitannykh v Collège de France v 1977–1978 uchebnom godu [Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France 1977–1978]. Transl. by V.Yu. Bystrov, N.V. Suslov, A.V. Shestakov. Saint Petersburg, Nauka, 544 p.
- Habermas J. 2022. Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti: v 2 t. [The Theory of Communicative Action: in 2 vols.]. Transl. from German by A.K. Sudakov. Moscow, Ves' mir, 878 p.
- Han Byung-Chul. 2023. Obshchestvo ustalosti: negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitivita [The Burnout Society: Negative Experience in the Era of Excessive Positivity]. Transl. from German by A.S. Salin. Moscow, AST, 158 p.
- Han Byung-Chul. 2024. Topologiya nasiliya: kritika obshchestva pozitivnosti pozdnego moderna [The Topology of Violence: Critique of the Positivity Society of Late Modernity]. Transl. from German by S. Mukhamedzhanov. Moscow, AST, 190 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.08.2025

Поступила после рецензирования 29.11.2025

Принята к публикации 30.05.2026

Received August 29, 2025

Revised November 29, 2025

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Сорокопуд Мария Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of State and Legal Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.

Maria S. Sorokopud, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Division for the Organisation of Scientific Research Work, Scientific Research Department, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.